

Лишь супруга главы павильона Линвэй, выпив успокоительный чай, проспала целую ночь и половину следующего дня, ничего не сознавая. А её муж всё это время находился рядом с ней, ни на шаг не отходил.

На второй день, перед отъездом, по правилам Великого Ся новобрачная не может лично провожать родителей, поэтому Ся Даньси, Тан Цзи и остальные проводили хозяина усадьбы и его супругу за ворота Горной усадьбы Кленового Листа.

— Хозяин, ваши... ваши лица что с ними?

Госпожа, глядя на Тан Цзи с исцарапанными щеками, а затем на остальных, почти у каждого из которых были следы побоев:

— Как вы... как все вы поранились?

Ся Даньси поспешно сочинил:

— Вчера все напились, шумели в брачной комнате слишком буйно, уже поушибались, а потом ещё вместе в пруд с рыбами свалились.

— О... — Госпожа тупо поморгала глазами. — Тогда, зять, впредь будьте осторожнее, не устраивайте больше таких безобразий. Вы же уже взрослые люди, моя Сяоди ещё нуждается в вашей заботе.

— Тёща права.

...

— Затем хозяин усадьбы, как и договаривались, подарил мне трактат «Даньчжи Фан», и я забрал тебя с учениками назад. Ты же проспал ещё добрых десять с лишним дней, хорошо, что наконец очнулся.

Мужун Чжи сказал это и взял миску с дымящейся белой рисовой кашей:

— Спал так долго, наверное, умираешь с голоду?

Действительно хотелось есть. Хотя аппетит был не особо, но живот давно пуст, не говоря уже о том, что даже начинал слегка побаливать.

— А Чжи, твои... твои раны как?

— Давно зажили.

— Правда? — Се Люй, с набитым кашей ртом, схватил его за запястье посмотреть.

В тот день он был весь в крови, а сейчас действительно не осталось даже шрамов.

— Больно было? — Се Люй всё же с беспокойством спросил. — В тот день... наверняка очень больно было?

— Ничего. Несколько часов в лекарственной ванне — и прошло.

— Эх. Если бы знал, знал, что доставлю тебе страдания, я, я с самого начала точно не стал бы подговаривать тебя спускаться с горы. Эх, вот я какой, по натуре люблю проблемы на пустом

месте находить, всегда таким был... А Чжи, ты, ты же должен меня останавливать.

В сердце Мужун Чжи кольнула лёгкая боль.

Я тоже вообще не хотел никакого трактата «Даньчжи Фан». Если бы знал, знал, что встречу Дуань Си, знал, что ты... В тот день я бы точно не пошёл вниз с горы.

Но в конце концов ничего не сказал.

...

Немного отдохнув, едва словно восстановив немного сил, Се Люй тут же с напряжённым лицом спросил Мужун Чжи:

— А! Да, да, А Чжи, те вещи, что мы купили, ты всё забрал назад?

Мужун Чжи нахмурился, совершенно не понимая, почему Се Люй всегда сосредотачивается на таких странных вещах.

— Ты только что очнулся. Лучше поменьше говори, побольше ешь — вот что важно.

— Нет, нет. Одежду для тебя и прочее — всё же тщательнейшим образом выбирали, эх, посмотри на себя, опять вся одежда белая. Купил тебе одежду, почему же не носишь? Неужели всё оставил в Горной усадьбе Кленового Листа, чтобы Тан Цзи воспользовался?

— Я... забрал. Просто в тот день купленных тобой вещей набралось несколько телег, ширмы, украшения — много тяжёлого, хозяин сказал, что позже по воде пришлют на гору, думаю... в эти дни как раз должны прибыть.

Если он пошлёт людей доставить — не проблема, лишь бы не привёз лично.

— Кстати, как его нога? Ты больше не будешь его лечить?

— В день отъезда хозяин уже с трудом мог ходить. Методику последующих иглоукалываний я также передал старшему Павильона Снадобий, прошло уже столько времени, думаю, должно быть ничего серьёзного.

— Да, да, А Чжи, а, а как же серебряные банкноты? Серебряные банкноты для тебя не потерялись?

Ведь это же его с трудом накопленное состояние на оставшуюся жизнь, надеюсь, в тот день под дождём не размокли!

— Уже все отданы на хранение Е Пу.

— Ч-что? А Чжи! Такую важную вещь почему ему отдал?

— Важную? Это же просто серебряные банкноты? — Мужун Чжи не понял. — У нас ведь и так Е Пу ведёт счета. Закупки, учёт — всё он. Если не ему, то кому же ещё?

— Деньги такие вещи нельзя просто так отдавать посторонним! А Чжи, ты и вправду слишком легко доверяешь людям, а если тот парень потратит как попало?

Мужун Чжи нахмурился, с серьёзным лицом заявив:

— Е Пу честен и осторожен, никогда не будет тратить бездумно.

Откуда ты знаешь, что не будет! Надо понимать, знаешь человека, но не знаешь его сердца! Се Люй просто обиделся до желания укунить край одеяла.

А-а-а, не согласен! Этому парню слишком везёт! Через некоторое время, когда я умру, возможно, он не только просто так получит тебя, но ещё и сможет тратить мои с трудом добытые деньги как захочет?!

Думая так, тут же спросил:

— А Чжи, скажи... сколько мне ещё осталось жить?

Рука Мужун Чжи, держащая миску с белой кашей, дрогнула, чуть не расплёскивая содержимое.

— Ты раньше говорил, что продержусь ещё девять месяцев. Но после использования «Вознесения»... девять месяцев, наверное, уже не будет?

— ...Не думай о плохом.

Се Люй тоже не просто так думал. Если время и вправду на исходе, ему нужно заранее уладить некоторые дела.

Например, что делать с А-Ли, сможет ли Е Пу в будущем заботиться о Мужун Чжи, если нет, не попробовать ли договориться с Тан Цзи, чтобы тот хоть как-то присматривал за А Чжи...

Размышляя так, он увидел, как Мужун Чжи, опустив голову, сидит у края кровати с потерянным видом.

В сердце Се Люя тут же кольнула боль:

— А Чжи, ты... погоди. Что это было? Что, что это за звук?

Ему померещилось?

Вроде бы слышался доносящийся издали детский плач?

И... этот плач становился всё ближе, всё громче!

— Учитель, учитель! Рисовый шарик опять без остановки плачет, как же быть-то!

Двери спальных покоев распахнулись снаружи, и А-Ли, неловко держа младенца, с видом полного краха:

— А? Генерал? Ты наконец очнулся! Отлично! Что делать? Быстро, подскажи!

— А... а? Протекает? Беда, беда! Опись опись! Е Пу! Е Пу! Быстро, принеси пелёнки, помоги!

— Э-это... это? — Се Люй остолбенел.

— Сын третьей дочери, — сказал Мужун Чжи.

— Та семья, что изначально его удочерила, в тот день, когда Дуань Си устроил скандал в

Горной усадьбе Кленового Листа, узнала, что его отец — человек из Демонического культа, испугалась, как бы не пострадать от культа, и не посмела больше растить его. Со стороны главы павильона Линвэй, хотя он очень хотел забрать ребёнка назад, но боялся, что жена заподозрит, и тоже не мог взять его; а хозяин усадьбы, опасаясь прошлого нападения Дуань Си, тоже не посмел растить его в усадьбе, поэтому...

— Поэтому отдали тебе растить?

— На Снежной горе сверху крайний холод, у Демонического культа и Дворца Внимающих Снегу никогда не было контактов, и они не знакомы с местностью, поэтому вряд ли поднимутся на гору. Мы лишь временно приютили его, как только в Горной усадьбе Кленового Листа найдут ему подходящую семью, то...

— А Чжи, то есть у нас теперь есть сын?

— ...

— Отлично! Этого ребёнка зовут Рисовый шарик, да? Быстро, быстро, дайте сюда, папа хочет поддержать!

— ...

— Эй, Рисовый шарик, почему ты всё время плачешь? Может, потому что у мамы нет молока?

С этими словами он протянул руку и хлопнул Мужун Чжи по груди.

Мужун Чжи молча сдержался — Се Люй ведь только что очнулся после тяжёлого ранения, если он сейчас ударит ладонью, возможно, нечаянно отправит того на тот свет. Ведь он, практикуя очищение, всегда старался не убивать живых существ.

Если бы не это, он бы точно отлупил его хорошенько.

После всей этой возни с Вознесением, отражение в зеркале стало ещё более ужасным, чем раньше...

Впалые глазницы, тело исхудало до почти бесформенного состояния. Прежние крепкие руки и торс теперь стали как тростинки.

Даже самому себе, глядя на это болезненное лицо, становилось немного противно. И что ещё хуже, нынешний Се Люй полностью забыл, как же он выглядел раньше.

Кажется... всегда таким и был?

Нет, нет! Как же так, «первый красавец столицы» не мог же выглядеть так!

Хорошо хоть... пока ещё не начал терять волосы и прочее. А то и вправду лучше было бы умереть пораньше, пока внешность ещё не разрушилась до ужасающего состояния, чтобы оставить А Чжи хоть какие-то хорошие воспоминания, разве нет?

— Что с тобой? Стоишь как вкопанный.

Мужун Чжи подошёл к нему сзади:

— А-Ли сходил вниз с горы, купил пирожные с османтусом, будешь?

Буду. Но...

— А Чжи, если я и дальше буду так уродовать, ты не разочаруешься во мне?

Мужун Чжи опешил:

— Я и так всегда был тобой разочарован.

Только послышалось, как А-Ли неподалёку подметал пол, а Е Пу у окна, качая ребёнка, оба фыркнули.

<http://bllate.org/book/15612/1394020>